

*Моим родителям, чья вера в меня столь же глубока,
как корни мироздания.*

Сказки рассказывают не для того, чтобы передать факты, а для того, чтобы поведать истину.

**АННАБЕЛЬ,
владелица гостиницы Черной Лощины**

Глава 1

МИЯ

МИЮ ВСЕГДА привлекали тайны. Что скрывалось под маской идеальной улыбки или фасадом степфордского счастья? Какие трещины таились под внешним лоском, угрожая обрушить всю конструкцию?

Однако девушка точно знала, что найдет под блеском логотипа Университета Британской Колумбии, напечатанным на конверте в ее руке. Она небрежно вскрыла письмо, не боясь повредить содержимое. И, собравшись с духом, заставила себя взглянуть на страницу.

Дорогая мисс Эмилия Делапортн,

Проведя тщательный анализ вашей академической успеваемости, Факультет Гуманитарных и Социальных наук с прискорбием сообщает, что вам назначен академический испытательный срок за неисполнение требований Политики удовлетворительной успеваемости, изложенных ниже.

Пот стекал по шее, пока глаза жадно ловили каждое слово.

Ни одна Ваша отметка не будет внесена в официальные ведомости университета. С Политикой удовлетворительной успеваемости вы можете ознакомиться на веб-сайте нашей секретариата.

Мия отшвырнула письмо в сторону, не утруждаясь дальнейшим чтением.

«Как, черт возьми, до этого дошло?» — подумала она, желудок свело от чувства вины. Родители были бы чрезвычайно разочарованы. Они согласились оплатить семестр и ждали хороших результатов. Заочное обучение оказалось интенсивным, и родители хотели облегчить ей нагрузку, чтобы она смогла отказаться от подработки и больше времени уделять учебе. Однако задача наскрести денег на аренду все еще лежала на плечах Мии. В этом месяце она снова опоздала с оплатой, и ее показушная домовладелица Патриция покончила с благотворительностью.

Выкопав ботинком неглубокую ямку в песке, Мия пнула в нее письмо и втоптала его в грязь. Девушка поерзала, сидя на качелях, и ухватилась за ржавые цепи по бокам, глядя на окутанное белым туманом поле, где уже через несколько часов торговцы откроют рынок. В паре шагов от места, где она сидела, молчаливым свидетелем событий ее жизни по периметру всего луга вырисовывалась громада бесконечных лесов.

На протяжении всех лет, что Мия жила в Черной Лощине, неприметной впадине, спрятанной в дождевых лесах умеренной зоны Британской Колумбии, рынок находился рядом с заброшенной игровой площадкой на краю туманного черного леса, в честь которого город и получил свое название. Всякий раз, когда туман опускался на Черную Лощину, изумрудный блеск

окружающего леса, казалось, темнел. Уже двенадцать лет Мия продолжала возвращаться к старым качелям на берегу этого переливчатого моря, особенно в ночи, подобные этой. Она могла найти это место даже с завязанными глазами.

Не заблудись, — зловеще прошипел ветер, — или жестоко заплатишься.

Перья мягко коснулись ее затылка, Мия вздрогнула, и, спрыгнув с качелей, повернулась к лесу. В народе говорили, что игровую площадку населяют призраки, и не стоит удивляться, услышав в порыве ветра голоса, призывающие безвинных прохожих подойти ближе, а порой и бежать без оглядки.

Впрочем, Мия была не из тех, кого пугает неизведанное.

— Я не заблудилась! — крикнула она в темноту. — Я точно знаю, где я.

Заявление было встречено молчанием. Мия вздохнула и потянулась за сумкой, когда в кустах неподалеку раздался шорох. На качели пикировал ворон. Птица каркнула и, хлопая крыльями, приземлилась.

Девушка прищурилась, разглядывая гостя, едва различимого в тусклом голубом свете.

— Ты в полете. Я иду домой, — сказала она ему и повернулась, чтобы уйти, но внезапный шквал перьев и царапанье когтей по затылку заставили ее остановиться.

— Господи! — Она взмахнула руками над головой, повернулась обратно к качелям и обнаружила, что ворон сидит на том же месте. Словно и не двигался.

Птица наклонила голову и хихикнула.

— Как ты...

Она не успела закончить фразу, шорох в лесу стал громче и настойчивее. Там явно кто-то был.

— П... помоги.

Слабый шепот, едва уловимый под открытым небом. Отшвырнув сумку, Мия бросилась к деревьям. Она продралась через кусты и резко отпрыгнула, увидев молодую девушку, цепляющуюся за ближайшую ветку. В бледном сиянии рассвета, едва коснувшегося неба, Мия мельком разглядела ее лицо и сразу узнала.

— Эль! — ахнула она, ринувшись, чтобы подхватить падающую в обморок девушку. Она была очень хрупкой, однако тяжелым грузом безвольно рухнула на плечо Мии. Казалось, сознание в девушке едва теплится, ее кожа была холодна как лед, зубы стучали, а пальцы слабо цеплялись за одежду Мии.

Они не были знакомы лично, но не проходило и дня, чтобы Мия не услышала имя Эль. Девушка пропала почти неделю назад.

Оставив попытки вытащить ее из леса, Мия осмотрела, нет ли у Эль серьезных травм. Не считая пары царапин и теней, залегших под глазами, девушка казалась невредимой. Мия сняла куртку и обернула ее вокруг дрожащего тела Эль, затем вытащила из заднего кармана телефон и набрала номер полиции.

— Я нашла Эль Робинсон, — выпалила она ответившему оператору. Голос на том конце трубки оживился.

— Да, она жива, но, думаю, ей понадобится помощь медиков.

Повесив трубку, Мия присела рядом со съезжившимся подростком и неловко потерла ее плечи, пытаясь согреть. Ночная рубашка Эль длиной до колен обтрепалась у подола, атлас цвета слоновой кости был испачкан в результате блужданий по лесу. Девушка теребила тон-

кую золотую цепочку на шее и внезапно подняла взгляд на Мию. Кто или что могло сотворить с ней это?

— Ты... — Эль замолчала и, широко распахнув глаза, уставилась на Мию. — Ты велела мне держаться подальше от Черной Лощины.

Мия убрала руки с ее плеч.

— Думаю, ты немного растеряна, — ответила она. — Мы никогда не встречались.

Должно быть, девушка слегка не в себе от обезвоживания.

Мию так и подмывало спросить, где Эль была все это время и что с ней произошло, но момент казался неподходящим. Прибывшие вскоре полицейские записали ее показания, в то время как «Скорая помощь» увезла Эль в больницу.

— Думаешь, здесь замешана Сновидица? — донесся до нее шепот одного из офицеров, прежде чем главный детектив заставил его умолкнуть.

— Мы имеем дело с реальными преступниками, а не с бугименами, — упрекнул он. Мужчина повернулся к Мии и, лучезарно улыбаясь, пожал ей руку.

— Это просто чудо, что ты оказалась поблизости, — сказал детектив Брэндон Хьюз. — Ты спасла ей жизнь, Эмилия.

— Судьбоносное стечение обстоятельств, полагаю. — Мия наслаждалась похвалой. Детектив Хьюз предложил подвести ее домой, и девушка с радостью согласилась. Он не спросил, почему она оказалась на улице в предрассветный час, и, казалось, был вполне доволен собой, одаривая ее словами одобрения.

Мия поглощала их, словно мороженое, щедро одобренное сиропом. Ее сердце переполнялось эмоциями, воспоминание о письме про испытательный срок

постепенно меркло. Она совершила нечто удивительное, пусть даже случайно, и этого оказалось достаточно, чтобы хоть ненадолго ослабить терзающий ее необъяснимый страх.

Возможно, даже небольшая могила может оказаться достаточно глубокой, чтобы похоронить в ней неудачи.

МИЮ ПЕРЕПОЛНЯЛО ВООДУШЕВЛЕНИЕ.

Она написала письмо в университет, признав ответственность за собственные промахи и умоляя администрацию дать ей второй шанс. Послание было пронизано смирением, а также изобиловало искренними извинениями и обещаниями вернуться на путь истинный. Не дожидаясь ответа, девушка начала готовиться к триумфальному возвращению.

Вскоре вышла статья об исчезновении Эль Робинсон. Едва Мия взглянула на нее, как сердце ее сжалось. В тексте не оказалось ни единого упоминания о ее заслуге. Впрочем, уловив момент, когда никто не видел, она все равно вырезала заметку из бесплатной газеты в закускойной и сохранила ее в качестве напоминания о том, как приятно сделать что-то как надо.

По мере того как дни плавно перетекали один в другой, то же самое происходило и со строчками в учебниках Мии. Неделью спустя пришла банковская выписка по ее счету с указанной суммой: 41,52. Живот девушки скрутило, обреченно вздохнув, она уронила письмо в мусорное ведро. Мия накопила в десять раз больше к последнему году учебы в средней школе.

Ее двадцать первый день рождения стремительно приближался, но поводов для празднования было мало.

Скатившись с futона, втиснутого между комодом, покрытым наклейками, и унылой серо-голубой стеной, Мия, спотыкаясь, покинула свою комнату.

Последние оранжево-красные лучи солнца исчезали за крошечным окошком, расположенным в углу у двери. Спустя несколько бессонных ночей время мчалось, как скоростной поезд. Бессонница казалась навязчивым, нежеланным гостем, который никак не поймет намека, что его присутствие становится в тягость.

Не помогало и то, что браузер Мии был забит вкладками со страницами вакансий, ответить на которые у нее не хватало смелости. Даже если она пойдет на собеседование одетая как почти взрослая двадцати-с-чем-то-летняя девушка, люди мгновенно ее разоблачат. Они поймут, кто она такая на самом деле — самозванка. Узнают, что Мия всего лишь притворяется, в действительности ей плевать на их дурацкие установки, и на этом все закончится. Капитализм окончательно одержит над ней верх, и ей не останется иного пути, кроме как примкнуть к какой-нибудь коммуне в горах, где налоговое бремя до нее не доберется.

С другой стороны, идея отправиться туда, где можно спрятаться ото всех, звучала не так уж и плохо.

Одевшись, Мия поплелась к двери. Однако, едва она коснулась ручки, краем глаза заметила, как что-то метнулось через комнату. Девушка крутанулась на месте и наткнулась взглядом лишь на пустую стену, голую как холст, не считая теней, отбрасываемых мебелью.

Просто игра воображения.

Отвернувшись от мозаики теней, она покинула свою комнатушку в подвале. В ее сознании горел образ старой игровой площадки.

Спустя столько лет прогулка до места стала машинальной. Мия знала, что уже близко, когда здания постепенно поредели, а тротуар сменился гравием. На перекрестке рядом с выцветшим зеленым указателем города и изогнутым кленом она неторопливо поднялась на холм и прошла через поле, где по выходным работал фермерский рынок.

Качели все также покрывала ржавчина, а сквозь деревянный бордюр, обрамляющий детскую площадку, проросли сорняки. Мия заметила торчащий уголок своего письма об испытательном сроке, поэтому зачерпнула пригоршню песка и для пущей уверенности присыпала его сверху.

Вскоре мир погрузился во тьму, воздух наполнили звуки цикад, как оркестр наполняет амфитеатр музыкой. Девушка взглянула в сторону леса и задержала взгляд на деревьях, неподалеку от которых она нашла Эль. Мия не впервые столкнулась с чем-то необычным на этом месте.

Она вспомнила, как в возрасте восьми лет качалась на этих качелях, взлетая до самых небес, пока едва уловимое движение в стороне не заставило ее оторвать внимание от облаков. Вонзив ногу в песок, словно якорь, девочка оглядела край поляны. За деревьями скользнула тень.

Она затаила дыхание и прислушалась к шелесту листвы. Фигура приблизилась к свету и мгновение спустя обрела очертания животного — волка. Уши торчком, застывшая настороженная поза. Зверь со сверхъестественным вниманием наблюдал за девочкой, пока та, в свою очередь, разглядывала его. Мия так увлеклась, что совершенно позабыла все зловещие истории о волках, которые из уст в уста шепотом пересказывали местные

жители. Она даже не вспомнила, что волки — опасные хищники.

Всякий раз, оживляя в памяти это воспоминание, Мия снова представляла, как встречается взглядом с волком. Она не запомнила цвет его шерсти, но глаза зверя навсегда остались в ее памяти: ясные, большие, любопытные и полные жизни. Несколько секунд спустя кто-то позвал ее по имени, звук разнесся в воздухе, вырвав Мию из оцепенения. Девочка оглянулась, и, когда повернулась обратно, волк уже исчез.

Она никому не рассказала, что видела в тот день. Да и как она могла это сделать в городе, где люди боялись мифов?

Сновидица и ее волк.

Каждый ребенок слышал эту историю тысячу раз. Словно некий обряд посвящения во взрослую жизнь, с детства им неустанно твердили, какое значение имеют легенды для истории и культуры города. Люди в Черной Лощине охотно верили в сказки. И хотя Мие нравилась идея волшебства, скрытого за фасадом обыденности, она все еще была далека от открытия чего-то понастоящему завораживающего. В конце концов, волк не унес ее напрямик в объятия Сновидицы.

Тем не менее она продолжала возвращаться на игровую площадку, надеясь когда-нибудь снова увидеть волка. Место стало ее убежищем от всего, с чем она не хотела иметь дело. Может, со стороны это и казалось ребячеством, но Мия сокрушалась, что реальность — это не сказка, которую она могла бы переписать силой своего воображения. Реальность была подвластна времени или отнюдь не являлась прекрасной; она имела свои пределы и была полна опасностей.

Однако вечности не существовало ни в Черной Лощине, ни где-либо еще. Рано или поздно Мие придется освободиться от собственной инертности, и отъезд казался соблазнительным вариантом. Что ей было терять? Она могла бы перебраться в другой город, оставить в прошлом навязанные самой себе ожидания и начать сначала. Со временем она заработает достаточно, чтобы вернуть потраченные деньги своей семье. Все, что она оставила бы позади, — это хорошего друга и море ложных надежд.

По венам Мии растекалось радостное волнение; наконец-то она сможет начать с чистого листа. Завтра она завяжет глаза и уронит булавку на карту. И куда бы ни притянула ее гравитация — это место станет для Мии новым домом.

Луна низко висела в ясном ночном небе, россыпь звезд мерцала над черным как смоль полем. Сидя на качелях, Мия ухватилась за цепи по обе стороны от себя и отклонилась назад, пока волосы не коснулись песка. Взглянув в сторону луга, она заметила, как тени меняют форму, подобно тем, что она видела на стене своей комнаты. Но одна из них двигалась иначе, чем остальные. Это была какая-то фигура, которую Мия никак не могла разглядеть. Вместо того чтобы растягиваться и снова уменьшаться, тень медленно, но верно приближалась. Мия поняла, что это человек, мужчина, достаточно высокий, чтобы напугать темной ночью.

Ей вспомнилась Эль, потерявшая память о том, что с ней произошло, и истории других девушек, с которыми случилось подобное.

Возможно, дух здесь ни при чем.

Возможно, это дело рук человека.

БОГИ ЧЕРНОЙ ЛОЩИНЫ

Мия села прямо и собрала вещи. Она накинула сумку на плечо, когда мужчина остановился, словно заметил ее. Оба замерли, как два зверя, случайно столкнувшихся на спорной территории. Волосы на затылке Мии встали дыбом, мужчина не успел сделать и шага, как заголовки из ее газетной вырезки пронесся в мозгу.

Еще одна пропавшая девушка найдена на детской площадке у Старого Рынка.

Мия бросилась бежать через поле, оставляя воспоминания позади.

Глава 2

КАЙ

ОН понятия не имел, где находится и как сюда попал. Знал только, что стояла невыносимо жаркая летняя ночь и каждая клеточка его тела горела адской болью.

Каждый раз одно и то же, и заканчивалось все всегда одинаково: ударом по яйцам. Сердитое рычание поднялось в горле, когда он сжал грязь пальцами, перевернулся и прижался спиной к земле, пытаясь потереться пылающей кожей о почву. Все верно, сейчас был август — худший месяц этого проклятого года. Раскаленный асфальт, орущие школьники на каникулах, смог, палящее солнце и прочие атрибуты ада. Август — та стерва, на которую даже дьявол не позарится.

Он все глубже вгонял пальцы в грязь, пока не ощутил прохладу. Набрал по горсти в каждую руку и размазал темную массу по лицу, отчаянно пытаясь избавиться от зуда. По коже под растрепанной копной темных волос бегали мурашки. Он чувствовал запах крови под ногтями, поэтому вычистил крошечные сгустки, ожидая, когда адаптируется зрение. Его глаза различали цвета. Через несколько мгновений психоделическое слия-

ние красных, синих и зеленых цветов, разливающихся по его картине мира, прекратилось. В воздухе над ним покачивались какие-то фигуры, за ними маячило темное пространство, которое, как он предположил, было небом. Длинные тонкие ветви медленно проступили в фокусе: ива.

Кай глубоко вздохнул, когда его затопило чувство близости с этим местом. Он много раз просыпался под гигантской ивой, но никогда не мог найти ее по своему желанию. Наоборот, она всегда находила его.

Под землистым ароматом коры и грязи он уловил в воздухе слабый запах смерти и перевел взгляд на неподвижное тело в нескольких футах от него. Это оказалась женщина, несомненно, мертвая, ее глаза были широко распахнуты, а посиневшие губы приоткрыты, — лицо выражает одновременно опустошенность и удивление. Тонкая золотая цепочка обвивала покрытую синяками шею, оставив отпечаток на ее плоти.

Кай покопался в памяти в поисках последних воспоминаний, но ничего не обнаружил. Это был не первый и даже не второй раз, когда он просыпался рядом с мертвым телом, но подобный сюрприз по-прежнему был неприятен. В любом случае Кай был почти уверен, что это не его рук дело. Крови не было, а удушение не его стиль.

Как бы то ни было, он не собирался прохладиться рядом с трупом. Его одежда и та небольшая сумма денег, что была у него при себе, пропали, и теперь ему оставалось лишь два варианта: опустошить ящик для пожертвований возле местного секонд-хенда или избить кого-нибудь и ограбить.

Поднявшись на ноги, Кай хрустнул шеей и расправил плечи, а затем поплелся прочь, медленно перестав-

ляя ноги. Постепенно он ускорил шаг, радуясь, что по крайней мере на улице уже стемнело.

Выбравшись из леса, Кай услышал скрип качелей на детской площадке, и, черт возьми, они раскачивались точно не от ветра. Там сидел какой-то чудик, любуясь луной. Обычно Кай обходил таких стороной, но в открытом поле было трудно оставаться незамеченным. Ползти на пузе он был не в настроении, а поэтому беззаботно продолжил свой путь. Скорее всего, это какой-нибудь бестолковый подросток. Скоро все и так как следует напугаются.

Качели остановились, и девушка — а это оказалась именно девушка — пристально посмотрела на него. Ее поза выглядела напряженной, и едва он ощутил ее тревогу, как девушка сорвалась с места, словно испуганный кролик. Кай пожал плечами и продолжил свой путь. Он не рассмотрел ее лица и был уверен, что она тоже не разглядела его.

В центр Черной Лощины вела лишь одна дорога, но Кай знал лес лучше, чем черты собственного лица, что открывало для него и другие возможности. Как только он освоился в своем теле, прыгать через проволочные заборы и прокрадываться по территории частных владений стало все равно что легкой разминкой. Улицы были пусты, и лишь изредка проезжающие мимо машины вынуждали его отступить в тень. Опасаться по большей части было нечего.

Кай подошел к местному спорт-бару, запах алкоголя, наркотиков и сигаретного дыма накрыл его тошнотворной волной.

Здесь должна быть добыча.

Несколько мужчин собрались вокруг пикапа под мерцающей неоновой вывеской, громко смеясь и по-

пивая пиво. От засаленных окон бара исходил тусклый оранжевый свет, оставляя на тротуаре вокруг грузовика темные пляшущие тени, искаженные мутным узором потрескавшегося стекла.

Мимо проходили люди, и на мгновение свет скользнул по лицам собравшихся мужчин, освещая их черты ровно настолько, чтобы Кай смог разглядеть, кто из них самый пьяный. Скрывшись в тени, он наблюдал, как один из гуляк отделился от компании и направился в соседний переулок.

Обойдя припаркованные автомобили, Кай прокрался вслед за мужчиной в узкий проход между домами. Здесь, вдали от флуоресцентных ламп, было темнее. Его цель стояла у мусорного бака и, расставив ноги, раскачивалась взад-вперед, держа обеими руками член. В воздухе витал запах мочи, смешанный со смрадом гниющего мусора. Кай в отвращении сморщил нос. Этому засранцу обязательно надо было отлить на что-то, что и так уже воняет?

Беззвучно подойдя к незнакомцу, Кай протянул руку и похлопал его по плечу. Мужчина обернулся, вскрикнув от удивления.

— Что за черт? — заорал он, отступая назад и обводя взглядом обнаженную фигуру Кая.

Кай проворчал и указал на джинсы мужчины:

— Они мне нужны. — Он оглядел придурка, изо всех сил вцепившегося в свой член. — Постарайся их не испачкать, — сухо добавил Кай, делая шаг вперед.

Схватив мужчину за горло, он одним плавным движением оторвал жертву от земли, заставив болтать ногами в воздухе, а затем ударил его о стену. Раздался изрядный треск, когда голова мужчины встретилась с кирпичами, его мозг содрогнулся внутри черепа и от-

ключился. Кай отпустил бездыханное тело мужчины, которому сильно повезло, что у него все еще остался пульс, и проследил взглядом, как тот с глухим стуком рухнул на землю. Присев на корточки, парень обшарил карманы и пришел в отчаяние, обнаружив лишь жалкую двадцатидолларовую купюру. Это настолько его взбесило, что рука против воли обернулась вокруг горла мужчины, а кончики пальцев впились в мягкую плоть над яремной веной.

Привет, монстр.

Каждый мускул в теле Кая окаменел. Снова этот голос, тот самый, принадлежавший его заклятому врагу, подстрекавшему, пока он удерживал хрупкую жизнь этого безмозглого человека между кончиками пальцев.

Сделай это. Разорви ему глотку зубами. Насладись вкусом его жизни на своем языке.

Кай зарычал в пустоту, и, если бы не отчаянные голоса, зовущие пропавшего товарища, он вполне мог бы совершить убийство.

— Эй! Отойди от него! — крикнул, приближаясь, крупный, неуклюжий мужчина.

Кай выпрямился, не потрудившись обернуться, когда почувствовал движение за спиной. Он отступил в сторону, избежав приближающегося удара, и нападавший упал вперед на колени. Кай пнул его в живот, заставив пошатнуться, и в этот момент на месте происшествия появились двое его товарищей.

Их пьяные выпады выглядели гораздо неуклюжей, чем у малыша, пытающегося поймать бабочку. Кай уклонился от каждого из них, а затем провел более мощную контратаку, попав одному в челюсть, а другому по почкам. Все равно что лупить пиньяту без повязки на глазах.

Вожак сумел подняться на ноги и вытащил охотничий нож из ножен, закрепленных на поясе. Он бросился на Кая, беспорядочно нанося удары. Прижавшись спиной к стене, Кай блокировал удар, направленный в его плечо. Лезвие задело предплечье, однако, приложив усилие, он смог вырвать оружие. Повернув нож, Кай вонзил его в бок мужчины, а затем ударил головой в лицо. За убедительным хрустом ломающегося носа последовал поток крови, хлынувшей в рот. Мужчина закричал, Кай оттолкнул его, поскольку звук болезненно завибрировал в ушах. Хотел бы он прижать их, но анатомия человека не позволила, поэтому он просто пнул сукина сына в голову.

— Спокойной ночи, пьянчуга хренов, — усмехнулся он, пока мужчина корчился на тротуаре.

Двое его друзей уже уматывали со всех ног, бросив раненых товарищей. Кай наблюдал за их бегством, и какая-то часть его души наслаждалась их ужасом. Он сжал пальцами рукоятку ножа, липкую от крови на его руках. Красная струйка стекала по челюсти, капая с подбородка на босые ступни. Он поймал капли на тыльной стороне ладони и высосал кровь из большого пальца. Медленная, злая улыбка заиграла на его губах при виде удаляющихся фигур, плечи задрожали, когда он попытался подавить смех, рвущийся из груди.

Тебе нравится видеть, как они убегают.

— Они жалкие.

Вот почему ты должен был убить их.

— Не стоит того, чтобы мारаться.

Ты не охотник, — насмешливо произнес голос. — Просто трус, которому нравится играть в садиста.

— У тебя научился, плаксивая сучка, — прорычал в ответ Кай. — А теперь расскажи, как от тебя избавиться.

Избавиться от меня? — хриплый смех грохотал в ушах Кая. — **Будет гораздо больше крови, прежде чем ты заслужишь свободу.**

Как будто Кай готов проливать кровь на потеху монстру.

Бедная маленькая Эль. Она не догадывалась, что под ивой живет Большой Злой Волк.

— Я знаю, что не делал этого.

Ты точно помнишь?

Нет, не делал. Порой Кай задавался вопросом, не сошел ли он с ума, однако парень видел сумасшедших и раньше, поэтому был уверен в своем рассудке. Нет, здесь что-то другое. Это не было частью его сущности. Оно преследовало его, но, черт возьми, точно не исходило изнутри.

Должен был быть способ избавиться от этого.

Кай вернулся к своей первоначальной цели и снял с жертвы одежду. Облачившись в джинсы и куртку с капюшоном, он собрал все деньги и ценности, которые смог найти, обыскав обоих мужчин: несколько купюр, наручные часы и зажигалка Zippo. Также прихватил нож и снял ножны с пояса толстяка. К моменту когда он закончил, голос в его голове затих, оставив, пусть и ненадолго, его в покое.

Накинув капюшон и засунув руки в карманы, он вышел из переулка, спешно покидая место преступления. В животе заурчало. Кай замедлил шаг, проходя мимо продуктового магазинчика, протянул руку и подергал ручку. Закрыто. Обычно у него не было денег, когда он заходил в магазины. Теперь же деньги были, но все магазины оказались закрыты.

БОГИ ЧЕРНОЙ ЛОЩИНЫ

— Да чтоб тебя, зараза, — усмехнулся он, пнув дверь. — И тебя тоже, чертова бездонная дыра, — добавил он, обращаясь к своему желудку.

Кай задавался вопросом, что бы подумала Элис, если бы все еще была рядом.

Она бы огорчилась, что он опустился до такого? А может, ей стало бы стыдно за него?

Кай опустил плечи и вздохнул, волочась обратно к лесу. Он напомнил себе, что Элис это не волнует или скорее не может волновать.

Мертвые ни о чем не волнуются.

Глава 3

МЕЙСОН

ЕДВА солнце закатилось за горизонт, в нескольких сотнях километров к северо-западу от Ванкувера доктор Мейсон Эванс въехал в Черную Лощину. Гравийная дорога привела его к старому причудливому фермерскому дому, второй этаж которого вмещал по меньшей мере четыре спальни. Здесь не было ни одного указателя, и, если бы работники автозаправочной станции не подсказали дорогу, он бы никогда не узнал, что это тот самый домашний отель, который он искал. Карты на его смартфоне оказались здесь бесполезны, что только порадовало Мейсона, поскольку подкрепляло его желание скрыться подальше ото всех. Наконец-то он обрел свободу. В его распоряжении было целых шесть месяцев на то, чтобы привести в порядок свое душевное равновесие, и он знал наверняка, что в городе, где он провел всю свою жизнь, этому не бывать.

Мейсону вспомнился его разговор с заведующим онкологическим отделением Центральной больницы Ванкувера. Спустя неделю воспоминание еще было свежо в его памяти.

— Ты уверен? — спросил доктор Линдмен. Его тонкие седеющие волосы были прилизаны, он пристально смотрел на молодого человека поверх очков.

— Уверен, — неловко улыбнувшись, ответил Мейсон. — Очевидно, я не слишком хорошо справляюсь со стрессом. Мне нужно время.

— Ты ведь консультировался с психологами, — отозвался Линдмен. — Не стоит себя винить. Ты ничего не мог сделать. Аманда в любом случае умерла бы, у нее была одна из самых агрессивных форм лейкемии, что я видел за свою практику.

— Она была бы все еще жива, если бы я не подверг ее экспериментальному лечению. У нее было бы больше времени. Я принял неверное решение. — Мейсон ненавидел, когда его жалели. Линдмен критиковал его решения на каждом шагу. А теперь пытался утешить. Ради всего святого, Мейсону тридцать два года. Неужели он казался настолько жалким?

— Да, — кивнул Линдмен. — Ты сделал неправильный выбор. И скорее всего, сделаешь снова.

Его слова все еще преследовали Мейсона.

Ему вновь стало дурно при воспоминании об этих словах, когда он припарковал свою потрепанную «Хонду Аккорд» перед провинциальной гостиницей. Он не хотел стать таким, как Линдмен, превратившись в человека слишком пресыщенного, чтобы верить в чудеса. Это был последний год ординатуры Мейсона, однако близившееся ее окончание потеряло для него свою значимость. После их беседы он почувствовал необходимость передохнуть от онкологии, и Черная Лощина позвала его к себе со страницы знакомой Мейсона в Фейсбуке. Джослин — бывшая однокурсница по медицинскому факультету, учебу на котором она бросила и

окончила курсы медсестер, а теперь работала в местной больнице и регулярно выкладывала на своей страничке фотографии города и окрестностей.

Увидев место воочию, Мейсон убедился, что дело не только в таланте Джослин как фотографа. Маленький отель выглядел идеально, словно сошел с картинки. Пусть оконные рамы и нуждались в свежем слое краски, но серый кирпичный дымоход и бледные деревянные панели напоминали фермерский дом Викторианской эпохи. Уютное крыльцо пряталось за белыми колоннами, образующими прочную арку, ведущую к входной двери. Вокруг дома простирались нетронутые цивилизацией леса и озера с чистой водой. Абсолютная противоположность жизни большого города, его постоянной суете, шуму, обезличенным персональным пузырям, в которых существовали люди. Уже довольно давно работа Мейсона была единственным, что связывало его с другими людьми. Он все еще хотел сберечь эту связующую нить, но без превратностей судьбы и душевных ран.

Леди, управляющая маленькой гостиницей, озвучила цену, устоять против которой оказалось невозможно; по сравнению с Ванкувером его расходы на проживание сведутся к минимуму. Вероятно, рано или поздно он почувствует желание связаться с семьей и сообщить, куда уехал, но не сейчас. Он сбежал, не сказав ни слова, лишь уведомив домовладельца, что съезжает, и подав директору медицинского центра распечатанное заявление. Мейсон исчез из цивилизованного мира в надежде оставить свои ошибки погребенными в пыли позади. Он был уверен, что они не смогут последовать за ним.

Мейсон поднялся по скрипучим ступенькам крыльца, прихватив на ходу грязную газету, валяющуюся на земле, и прочел заголовок. Новости было чуть больше недели.

19-летняя Эль Робинсон, Выбралась из Леса на Пятый День ее Поисков — Страх перед Сверхъестественными Похищениями Нарастает.

«Как странно», — подумал Мейсон, просматривая статью.

На протяжении многих лет... пропавшие девушки схожего возраста... потеряли память... по какой причине они отправились в лес... не имеют представления, как долго отсутствовали...

Само собой, все они просто беглянки, которые вернулись домой, но, вероятно, слишком смущены, чтобы озвучить причину своего поступка.

Горожане опасаются новых похищений и пророчат возвращение Сновидицы... Опасения за жизнь мисс Робинсон вынуждают местные власти ужесточить борьбу с волками.

«Она не сможет похищать наших девочек без своих волков, — заявил сосед Робинсонов. — Именно они заманивают девушек. Мы должны их остановить».

Мейсон вскинул брови. Большой город остался позади, определенно. Сельские жители, безусловно, интересный народ, решил он. Бросил газету в мусорное ведро и отряхнул руки. Табличка «Добро пожаловать» на двери манила его внутрь.

Он вошел в дом и замер, впитывая в себя обстановку: цветочные узоры, кружева, обрамляющие почти каждый клочок ткани, антикварная деревянная мебель и высокие старинные часы позади импровизированной стойки регистрации, занимающей узкий вестибюль. Все эти детали придавали жилищу очарования.

В гостинице было тихо, не считая тиканья гигантских часов. Стрелка переместилась на половину девятого, раздался звон, и в комнату, казалось, вплыла женщина. На вид около пятидесяти лет, в удобных джинсах и свободной клетчатой блузке. Сняв с руки рукавицу для духовки, она заправила за уши пряди волос, выбившиеся из небрежного пучка на голове, и одарила Мейсона лучезарной улыбкой, которая широко расплылась по ее веснушчатому лицу с ямочками на щеках.

— Добрый вечер! — весело поздоровалась она, слегка запыхавшись. — Добро пожаловать в «Гостиницу у Аннабель». Я Аннабель!

— Ох, так вот откуда название? — улыбнулся Мейсон, протягивая руку. — Мейсон Эванс, приятно познакомиться.

— И мне! Прошу прощения за отсутствие указателей. Недавний шторм уничтожил все до единого. — Она пожалала предложенную ладонь, затем открыла папку на кольцах и пролиставла страницы. — Мистер Эванс, да? Полагаю, мы с вами переписывались буквально на днях. Если правильно помню, вас интересовала аренда комнаты с понедельной оплатой? — Она взглянула на Мейсона, ожидая подтверждения.

— Да, мэм, все верно, — ответил он, размышляя, чувствует ли она смрад мегаполиса, исходящий от него.

— Пожалуйста, зовите меня Аннабель, — отмахнулась она со смешком. — Нет нужды в формальностях.

— Да. Конечно. Понял. — Он сделал паузу, а затем продолжил: — Вы упомянули, что бронировать не нужно?

— Да, именно! — внезапно спохватилась она, захлопывая папку и нащупывая на столе очки. — Что ж, вам

повезло! В это время года здесь малоллюдно, так что вы наш единственный гость. Можете занять лучший номер! Ванная комната полностью оборудована, новый унитаз и душевую насадку установили буквально на днях. А на прошлой неделе кровать снабдили матрасом с эффектом памяти. — Хозяйка подмигнула.

— Звучит отлично, мэ.м.. Аннабель.

— О! А еще телевизор. Ничего примечательного, но есть обычное кабельное телевидение, если вы любите смотреть новости. А вот этот тонкий телефонный провод можно подключить к ноутбуку и выйти в Интернет!

— Сетевой кабель?

— Ох, почти якорная цепь, — она лукаво улыбнулась, решив скаламбурить.

Мейсон улыбнулся в ответ, чувствуя себя все более непринужденно.

— Кроме того, есть прачечная, вы можете пользоваться ею в любой день, но только не по воскресеньям, в этот день я стираю постельное белье. — Аннабель указала в конец коридора и вытащила медный ключ с прикрепленной к нему биркой с номером четыре. — Позвольте показать вам комнату.

Мейсон последовал за ней через холл и вверх по лестнице. Комната оказалась больше, чем он ожидал. Здесь было широкое окно с видом на лес, а также, как Аннабель и говорила, совмещенный санузел.

— Кстати! — она хлопнула в ладоши. — Если вам интересно узнать больше о городе, мой сын Матиас вел онлайн-блог, посвященный этой местности. Он очень любил Черную Лощину и был заядлым фотографом. Возможно, это покажется вам интереснее, чем посещение унылого туристического центра.

Любил? Неужели город перестал быть ему дорог? Не желая показаться грубым, Мейсон записал ссылку на блог, и хозяйка дома оставила его наедине с самим собой.

Ему не нужно было распаковывать много вещей, с собой он взял лишь самое необходимое: смена одежды на неделю, туалетные принадлежности, роман, прочтение которого откладывал годами, паспорт и ноутбук. Как только все предметы оказались разложены по местам, Мейсон снял ремень и бежевые брюки, которые тот удерживал на бедрах. За время пребывания в ординатуре он потерял почти пятнадцать фунтов, бесконечные часы работы заставляли вес таять на глазах. Когда-то он являлся завсегдатаем университетского спортзала, однако для успешной карьеры потребовалось выполнять все больше бумажной работы и все меньше приседаний, и он с радостью принял это положение вещей. Мейсон расстегнул рубашку в тонкую полоску, одна из пуговиц зацепилась за волосы, и он вскрикнул, выдергивая ее. Его белокурые кудри торчали в стороны и явно нуждались в стрижке. Переодевшись во фланелевые брюки и футболку, он достал ноутбук и подключил сетевой кабель, торчащий из-за кровати. Избегая соблазна проверить электронную почту, он направился напрямиком в блог Матиаса.

Содержание оказалось обширным: начиная от статей об истории города и заканчивая этнографическими исследованиями, которые проводил сам Матиас. Порой его посты носили критический характер, а иногда поднимали вопросы о фольклоре в контексте истории. Здесь было собрано множество преданий о волках, и несколько раз он ссылался на конкретную легенду о фигуре, известной как Сновидица. Все это очень

напоминало исследовательские программы на *National Geographic*. Легенда уходила корнями в историю и оказала заметное влияние на обычаи и верования местных жителей. Мейсон пролистал статьи в поисках краткого изложения предания, но ничего не нашел. Вероятно, блог создавался в основном для местных, которые уже были знакомы с историей о Сновидице.

Однако ему удалось обнаружить, что в легенде упоминалась также древняя ива, затерянная где-то в лесах, окружающих Черную Лощину, и которую, как утверждали люди, невозможно отыскать по собственному желанию. Тем не менее многие жители рассказывали, что натыкались на дерево в самый неожиданный момент. Утверждалось, что именно на том месте, где росла ива, разворачивались события легенды, и в доказательство ее существования те, кому посчастливилось ее повстречать, часто фотографировались рядом. Впрочем, точное местонахождение дерева так и оставалось загадкой.

В конце страницы была размещена фотография Матиаса, положившего руку на ствол ивы. Интересно, кто сделал этот снимок? Мейсон предположил, что это та самая ива из легенды. Неужели ее и правда невозможно найти? Подобное утверждение казалось ему обычной заманухой, уловкой, чтобы туристам было чем заняться в глуши. Согласно источникам в блоге, дерево росло где-то в лесу неподалеку от местного фермерского рынка. Сам рынок выглядел довольно интересным, поэтому, недолго думая, он решил наведаться туда в первую очередь.

Приведя комнату в порядок, Мейсон отправился исследовать фермерский дом Аннабель. Он спустился по лестнице и застал хозяйку сидящей в гостиной. Женщина оторвала взгляд от книги и улыбнулась:

— Это моя комната отдыха, как я ее называю. Не стесняйтесь спускаться в любое время, когда захотите поболтать или просто побыть в компании.

Приличных размеров комната с высокими потолками и латунной люстрой над деревянным кофейным столиком легко вмещала два кожаных кресла и замшевый бордовый диван, украшенные подушками в вязаных чехлах. Толстая кирпичная стена с камином, которым, казалось, пользовались довольно часто, отделяла гостиную от кухни.

Он заметил несколько фотографий в рамках, висевших на стене над очагом. В самом верху располагался портрет молодого человека примерно лет двадцати. У него были озорные глаза Аннабель, по-кошачьи прищуренные, как у матери, когда она улыбалась. Благодаря рыжеватым светлым волосам, курносому носу и веснушчатому лицу их сходство казалось поразительным.

Место чуть ниже портрета занимала целая коллекция снимков. На каждом из них Матиас позировал либо один, либо с Аннабель. Некоторые фото изображали его еще совсем ребенком, бегающим под разбрызгивателем или поедающим кексы, и его мать — молодую девушку, возможно, лет двадцати. На одном из снимков подросток возился со старым «Бьюиком» и улыбался сам себе, словно зная, что фотограф притаился неподалеку. Он был полноват, но атлетически сложен, как будто только недавно присоединился к команде колледжа по регби. Однако внимание Мейсона привлекло другое фото, тот самый снимок из блога, на котором Матиас стоит, положив руку на ствол великолепной старой ивы. Его улыбка казалась безмятежной и, возможно, слегка грустной, мускулистое тело заметно похудело, а лицо осунулось и побледнело.

— Это ваш сын? — спросил Мейсон, поглощенный разглядыванием небольшого святилища.

— Да, мой сын, Матиас, — тихо ответила она. — Он был хорошим ребенком. И вырос замечательным человеком.

— А где он сейчас?

Плечи Аннабель поникли.

— Скончался несколько месяцев назад. Он долгое время боролся с лейкемией. Почти восемь лет, еще со времен учебы в университете.

— Я очень сожалею о вашей утрате, — пробормотал Мейсон. Лицо пылало от смущения, но под внешним волнением он почувствовал, что продрог до костей. Это что, какая-то кармическая шутка? Аманде было девятнадцать, она училась на втором курсе университета. Потеряв почти двадцать фунтов и посетив ряд клиник по поводу необычных симптомов, неделями испытывая усталость и постоянно обнаруживая необъяснимые синяки на теле, девушка наконец попала в больницу на обследование. Именно Мейсон поставил ей диагноз «острый миелоидный лейкоз», и прогноз оказался неутешительным, должно быть, как и у сына Аннабель.

Но в мире множество людей болеют раком. Статистически это совсем не редкость. Он попытался представить, как врачи сообщили плохую новость Аннабель и как она с ней справилась. В его памяти еще были свежи воспоминания, как во время лечения Аманды ее родители прошли четыре из пяти стадий горя: отрицание, гнев, торг, снова отрицание, а затем депрессия. Мейсон так и не узнал, достигли ли они заключительной стадии: принятия. Он, конечно же, нет.